

**КАТАЛИН КРОО: ИНТЕРТЕК-
СТУАЛЬНАЯ ПОЭТИКА РОМАНА
И. С. ТУРГЕНЕВА «РУДИН».**

*Чтения по русской и европейской
литературе.* Санкт-Петербург,
2008. 247 с.

В монографии Каталин Кроо представлено значительное и глубокое исследование интертекстуального поля романа И. С. Тургенева «Рудин». Предпринятое исследование плодотворно как в области теории, так и для истории литературы. В теоретическом плане К. Кроо разрабатывает ценный методологический подход к изучению интертекстуальной поэтики романа; этот подход очевидным образом открывает новые возможности для решения проблем интерпретации произведения в контексте истории литературы. Именно такая постановка проблемы интертекстуального взаимодействия делает монографию К. Кроо ценной как в области теории, так и в области собственно истории литературы. К. Кроо по-новому ставит и рассматривает традиционные для тургеневедения связи и взаимодействия таких произведений, как комедия «Горе от ума» Грибоедова, роман в стихах «Евгений Онегин» Пушкина и роман Тургенева «Рудин». По-новому ставится вопрос о значении «Метаморфоз» Овидия для романного дискурса Тургенева. Именно постановка проблемы соотношения «Орфея» и «Рудина» (глава 8), «Метаморфоз» в целом и повести Тургенева «Вешние воды» (глава 9) позволяет исследовательнице разработать ценный подход к изучению лирической составляющей эпической по существу формы произведений Тургенева. Кроме того, в

монографии с новых позиций рассматриваются тоже традиционные сопоставления «Рудина» «Дон Кихота» и «Гамлета» (главы 10–11). Для К. Кроо основанием сопоставительного анализа этих текстов произведений становится уровень нарративной текстопорождающей структуры. Это позволяет подобрать ключ к решению проблемы сопоставления текстов разных жанровых форм, разных исторических эпох и стилей, описать феномен литературного влияния в его текстовой конкретике. Прделанный исследовательницей путь дает возможность на современном этапе по-новому прочитать роман Тургенева «Рудин» в контексте истории развития литературных форм и идей.

В рамках данной рецензии я укажу на основные, с моей точки зрения, моменты в исследовании темы. Главным ходом в аналитическом описании интертекстуальной поэтики «Рудина» в монографии К. Кроо становится рассмотрения мотивных комплексов *слова и дела, странствования / путешествия, свободы, творчества*. Метод рассмотрения мотивных комплексов – морфемный анализ. Так, в главе 1 («Развертывание смысловой связи мотивов *слова и дела* в романе И. С. Тургенева “Рудин”») на основе тщательного анализа семантического поля морфем в тексте произведения предлагается интерпретационное решение главного противоречия образа Рудина, противоречия между словом и делом. В финале главы К. Кроо, подводя итоги, резюмирует: «/.../ противоречивость образа воспринимается как высокого уровня семантическое осуществление поэтического определения именно *дела*. /.../ Следовательно, противоречивость Рудина

заключена не в конфликте *слова* и *дела*, а вытекает из метода семантического определения самого *дела*. Оно строится на внутренних смысловых столкновениях, которые в то же время разрешаются в идее *динамического продвижения вперед*. /.../ Таким образом, /.../ *рудинское слово* являет собой *странствие*, с которым связана модель *творения*» (с.20).

Главы 2–5 посвящены интертекстуальным связям «Рудина» и «Евгения Онегина» Пушкина, «Рудина» и «Горя от ума» Грибоедова. Глава 4 посвящена рассмотрению мотива *творческого путешествия/странствования* в «Евгении Онегине». В этих главах К. Кроо последовательно разворачивает и углубляет анализ значимого для романа Тургенева мотивного комплекса. Так, тщательное исследование мотива путешествия в «Евгении Онегине» и «Горе от ума» (особенно хочется отметить тонкий анализ значения этого мотива для образа Софьи) позволяет рассмотреть роман «Рудин» как тургеневское прочтение кардинально важных для истории русской литературы произведений Пушкина и Грибоедова. В главе 4 («Творческое путешествие / странствование персонажей в романе в стихах А. С. Пушкина “Евгений Онегин”») К. Кроо рассматривает мотив путешествия в динамике взаимодействия внешней сюжетной коллизии путешествия героя (особое место занимает анализ незавершенной и в окончательном варианте выпавшей из романа главы «Путешествие Онегина») и внутренней эволюции его

личности. Развитие этого динамического взаимодействия и становится одной из существенных структурообразующих текстовых стратегий художественного образа героя. Его путь «от Татьяны к Татьяне» – путь духовного, творческого становления – подробно рассматривается в тонком анализе текста романа в указанной главе монографии.

И далее, в главе 5 («О новых аспектах межтекстового толкования образов Рудина и Натальи в романе Тургенева на фоне “Евгения Онегина” Пушкина»), К. Кроо переходит к анализу образов Рудина и Натальи в контексте соотношения произведений Пушкина и Тургенева. Она анализирует известные отсылки к тексту романа Пушкина в письме Рудина и в эпизоде получения этого письма Натальей. Разворачивая анализ сопоставления текстов, К. Кроо дает метатекстовое прочтение образа Рудина и Натальи. В главе 6 («Свидание у Авдюхина пруда – мотивировочное предвещание прощального письма Рудина») она переходит к рассмотрению уже собственно тургеневского решения любовной коллизии главных героев романа «Рудин». Глубокий и тонкий анализ семантического поля морфем *путешествие – любовь – огонь, плод – время – слово* позволяет исследовательнице раскрыть духовный внутренний смысл любовной коллизии в романе. Путешествие Рудина прочитывается как *путь в новую жизнь*, как обретение бессмертия ценой оставленного в мире *следа*, брошенного в мир *семени слова*¹.

¹ Вместе с тем, в связи с исследованием семантического поля данных морфем хотелось бы указать на важность для романного дискурса Тургенева такого претекста, как Евангелие. Евангельский контекст позволяет на другом уровне прочесть собственно религиозный смысл проблемного соотношения *слова* и *дела* в романе и увидеть в Рудине своего рода «пародия» (в тыняновском смысле этого термина) на Христа.

Именно таким прочтением смысла путешествия Рудина предопределено толкование коллизии несчастливой любви и несостоявшегося его брака с Натальей Ласунской. Само место свидания – Авдюхин пруд – художественно воплощает в себе идею бесплодности любви Натальи и Рудина, исчерпанности *жизненной воды* их чувств, что и показывает К. Кроо в чрезвычайно удачном анализе данного эпизода романа.²

В главе 7 («Образ Рудина в свете куртуазно-рыцарской проблематики романов Пушкина и Тургенева. Смысл *покорения судьбе* у Онегина и Рудина») и далее в главе 8 («Античный интертекст в «Рудине» – «Орфей» Овидия») К. Кроо расширяет поле интертекстуального анализа и рассматривает образ Рудина в обширном контексте куртуазной рыцарской литературы и культуры, а также в соотношении с художественным миром такого важного античного произведения, как «Метаморфозы» Овидия. Расширение круга претекстов позволяет исследовательнице более полно и емко осветить сложность и многоуровневость созданного Тургеневым образа героя. Особенно хочется отметить анализ поэтической и музыкальной природы рудинского красноречия –

главного его дара, дара слова; мотива *покорности* в романе. Интересен и плодотворен подход к интерпретации темы взаимопонимания героя и героини в романе Тургенева в соотношении с историей «Нарцисса-Эхо» по «Метаморфозам» Овидия. И уже на новом уровне прочтения, рассматривая образ Рудина в контексте темы Орфея, К. Кроо так характеризует *слово* Рудина: «Смысл *рудинского слова* определяется в свете двойной характеристики: это слово во внутритекстовом метафорическом прочтении оказывается *родником, орудием великого, живой водой, семенем добрых начал*, воплощением *огня, путешествия, любовного чувства души* и т.д.; в то же время, слово Рудина в интертекстуальном метафорическом прочтении оказывается *песней поэта*, а сама *рудинская песня* предстает перед нами в отвлеченном значении» (с.165). А сам образ Рудина в контексте темы Орфея прочитывается как новое воплощение вечного и неизменного в истории литературы образа лирического поэта.

В главах 10 («Гамлет» и «Дон Кихот» в русле интертекстуальной поэтики романа И. С. Тургенева «Рудин») и 11 («Итоговые размышления») К. Кроо рассматривает «Рудина» и центральную проблематику

² Вместе с тем, трудно согласиться с интерпретатором в том, что вина за несозревшую и несостоявшуюся любовь лежит на героине. Ведущим в развитии любовной коллизии в романе является Рудин. Именно он назначает свидание в беседке (VIII глава романа) и признается Наталье в любви, что и влечет за собой ускоренное развитие драматических событий. Свидание у Авдюхина пруда – последняя попытка Натальи спасти любовь, и попытка эта приводит к окончательному и неизбежному крушению ее надежд. По Тургеневу художественный смысл этой драматической любовной коллизии состоит не в возможности ее счастливого разрешения. Ситуация несчастливой любви позволяет писателю в полноте раскрыть характеры героев и показать их романное становление на жизненном пути. Ни герой ни героиня «не виноваты» по большому счету в несостоявшейся любви (иной быть в данном случае просто не могло).

слова Рудина в контексте непосредственного соотношения с романом Сервантеса «Дон Кихот» и трагедией Шекспира «Гамлет». Подход этот оказывается продуктивным и дает новые смысловые обретения на пути исследования интертекстуальной природы образа героя романа Тургенева.

Хотелось бы в завершение еще раз обозначить важность прочтения К. Кроо романа Тургенева «Рудин» как метатекста истории литературы. Интертекстуальный анализ позволяет исследовать глубинный смысл произведения и в возможной полноте раскрыть его художественные интенции.

Александра Тоичкина

*Санкт-Петербургский
Государственный Университет,
tikhomirov@md.spb.ru*

VIG ISTVÁN: HORVÁT NYELVTAN. Budapest: ELTE, BTK Szláv Filológiai Tanszék, 2008. (Opera Slavica Budapestinensia, Linguae Slavicae). 356 o.

A szerző a főcímben egyszerűen „Horvát nyelvtannak” nevezi művét, az előszóából azonban megtudjuk, hogy tulajdonképpen függőségi grammatikát tartunk a kezünkben, ráadásul olyat, amely nyelvi ismeretekén túl alapvető nyelvészeti ismereteket is bőven nyújt az olvasónak.

Megtudunk azonban az előszóból még mást is. Azt például, hogy az itt tárgyalt nyelvtan alapjául szolgáló el-

méletet a szerbhorvát (tulajdonképpen a szerb) nyelv leírására már sikerrel alkalmazták, ami természetesen nagy segítséget jelentett a szerzőnek. Ettől függetlenül azonban a munka számos egyéni vonása okán teljes joggal jelenthető ki, hogy a Vig István tollából önálló mű született. Mindehhez tegyük még hozzá, hogy igen-igen hosszú idő óta ez az első, magyaroknak szóló és magyar nyelven íródott horvát (tehát nem szerbhorvát!) nyelvtan, amely még tovább emeli az értékét. E könyv elődje tudomásom szerint a „*Horvát nyelvtan, teljes tanfolyam kezdők és haladók részére*” címet viselte, magántanulóknak szült és az „*Uránia nyelvtanai*” sorozatban jelent meg Munkácsy Mihály tollából, még 1931-ben. Azóta a világ is, a nyelv is sokat változott...

A függőségi grammatika előnyeiről maga a szerző is szól, már könyve elején (10.o.), mindez azonban kiegészíthető még azzal, hogy a nyelvi jelenségeknek e keretben történő tárgyalása és bemutatása megkönnyíti a nyelvet elsajátítani vágyók számára a horvát ige mondat-szervező lehetőségeinek megismerését, a horvát mondatalkotás szabályainak elsajátítását. Aki ugyanis ezeket nem tudja alkalmazni és automatikusan átviszi a horvát igékre a magyar igék vonzatát és kapcsolódásait, nem tehet szert igazán professzionális szintű horvát nyelvtudásra.

A szóban forgó nyelvtan – amint az egy függőségi grammatikától elvárható – néhány alapvető nyelvi, nyelvészeti fogalom (pl. szó, szófaj, mondatrés, vonzat, bővítmény, jelző) tömör tisztázása után az igével indít (20.o.), ami logikus is, hiszen köréje szerveződik a mondat, mondhatjuk akár így is: az ige képezi a mondat gerincét. Az igék szemantikai osztályaival és szófaji kategoriális jelentésével foglalkozó részről